

А.И.Филошкин

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ БОРЬБЫ ЗА ЛИВонию в XVI ВЕКЕ: ДАННЫЕ ИСТОЧНИКОВ И СТЕРЕОТИПЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Экономические мотивации борьбы России за Ливонию в XVI веке воспроизводятся, в основном, в дискурсе ее противников. В реальности во всех политических конфликтах того времени позицию России в экономическом отношении отличала пассивность, подтверждаемая русскими источниками. Русская торговля времен Ливонской войны сохраняла в целом локальный характер, который оставался неизменным после захвата Нарвы и во время «Нарвских плаваний». Раньше русская торговля шла при посредничестве преимущественно ганзейских городов Ливонии и частично Швеции, теперь Швеции и западноевропейцев. В конце XVI — начале XVII века позиции Северо-Запада (Новгорода и Пскова) как центров зарубежной торговли ослабели в результате изменением конъюнктуры балтийского рынка, а также польского и шведского владычества в Прибалтике.

Ключевые слова: Россия, русская международная торговля, Ливонская война, Ливония

Ливонская война — первая война в русской историографии, за которой прочно закрепился ярлык «экономической войны». Ее причинами и мотивами считают экономический фактор, борьбу за сферы влияния в балтийской торговле. Историки, говоря о необходимости проникновения России к Балтийскому морю, нередко употребляют выражение «блокада Российского государства», понимая под ней запрет на поставку в Россию товаров и технологий военного назначения, а также — приезда европейских мастеров. А.Л.Хорошкевич утверждала, что «в условиях войн за воссоединение русских земель лишение русского ремесла цветных металлов обезоруживало страну» [1]. С подачи С.Ф.Платонова Ливонская война получила трактовку как война за достижение Россией ценностей западной цивилизации, прежде всего экономических [2]. Наиболее фундаментально обстоятельства борьбы за Прибалтику с точки зрения экономического фактора рассмотрел Г.Форстен [3]. В дальнейшем эта концепция получила развитие и аргументацию в работах историков и стала своего рода общим местом¹.

Что значит экономический фактор для войны? Это значит, что он: 1) влияет на мотивы, цели и задачи развязывания войны; 2) влияет на ход войны; 3) значим для результатов войны, как для текущих, так и для перспективных.

Экономический фактор как фактор причинности и целей войны

Здесь надо разделять русский дискурс и европейский дискурс. В русском дискурсе в качестве экономического фактора, вызвавшего войну, выступает неплатеж Юрьевской дани. Ее история известна², и общепринято мнение, что требование выплаты дани было лишь ширмой, прикрытием политических целей России подчинить себе Ливонию (кто платит дань, тот признает свою зависимость). Однако все-таки данная точка зрения основана на допущении, что Россия сознательно инспирировала конфликт.

Но тут есть логическая неувязка: если Россия изначально строила планы агрессии и вела дело к конфликту — то зачем такие сложности, поиск в архивах документов, апелляция к договору 1463 г. и т.д.? Перед кем ей надо было легитимизировать вторжение — перед Ливонией, на которую нападали? Тут достаточно было бы декларативного обвинения Ливонии в «неисправлении». Вряд ли Россия ждала, что ее аргументы плохого поведения ливонцев будут приняты и Европа разрешит Москве напасть на Ливонию. Иван Грозный не нуждался в оправдании своей политики и получении разрешений. Значит, требования дани в договоре 1554 г. были вызваны какими-то другими мотивами. Никто не может утверждать наверняка, что случилось бы, если бы в декабре 1557 г. ливонские послы привезли бы Ивану IV требуемую дань. Состоялось бы январское вторжение 1558 г., если бы Ливония заплатила? Вопрос остается открытым. Факт тот, что когда Ливония в 1558 г., уже после начала войны, пыталась произвести выплату, послам заявили, что они опоздали, царь уже берет свое землями и городами. Но это было уже после того, как русские войска в самом деле обрели в Ливонии множество трофеев.

Вопреки господствующему в историографии мнению, в русских источниках идея развязывания войны в Ливонии как войны за выход к морю для обеспечения русской торговли отсутствует вообще. Единственный случай аргументации, что России необходимо море, содержится в переговорах 1580-х гг. с Антонио Поссевино.

¹Васильевский В.В. Борьба из-за господства над Балтийским морем в XV и XVI столетиях: Магистерская диссертация. СПб., 1896; Новодворский В.В. Борьба за Ливонию между Московою и Речью Посполитою: (1570—1582). СПб., 1904; Szelągowski A. Walka o Bałtyk. Lwow; Poznań, 1921; Bodniak St. Polska a Bałtyk za ostatniego Jagiellona. Kornik, 1947; Svensson S. Den merkantia bakgrunden till Rysslands antal Livländska Ordensstaten. Lund, 1951; Королук В.Д. Ливонская война: Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. М., 1954 и др.

² Лучший обзор см. [4]

Русские дипломаты тогда утверждали, что России надо оставить Нарву и сохранить выход к морю, чтобы было можно по морю плавать к римскому папе. Единственное упоминание «морских пристаней» как ценностей содержится в инструкции послу Д.П.Елецкого и Р.В.Алферьева от ноября 1581 г. Убеждая папского легата Антонио Поссевино выступить посредником в переговорах на стороне России, Елецкий должен был говорить: если «Стефану королю поступится все Вифляньские земли, и не будет у государя нашего пристаней морских, и государю нашему нельзя будет ссылаться с папою и цесарем и с ыными поморскими государи, и в складке и в стоянье с ними государю нашему против бесерменских государей быти нельзя» [5]. Но здесь морские порты явно воспринимаются не как реальное «окно в Европу», а как предмет шантажа императора и папы: если правители «христианского мира» не позволят Стефану захватить всю Ливонию, то Россия поможет им войсками против турок.

Западный дискурс причин Ливонской войны, напротив, пропитан экономическими мотивами. Московит начал войну, чтобы добиться выхода к морю, а море ему нужно для выгодной торговли и достижения экономического господства на Балтике. Источники, содержащие эти идеи, в большом количестве опубликованы в двухтомнике балтийских актов Г.Форстена [6], материалах немецких рейхстагов, дипломатической переписке Польши, Пруссии, Дании, Швеции, Англии, Священной Римской империи.

Насколько эти мотивы соответствуют действительности? Можем ли мы считать, что европейские авторы XVI века лучше понимали мотивы действий русских, чем сами русские, а последние просто не отразили своих мотивов в документах? Чтобы ответить на этот вопрос, надо понять, какое реальное место занимала русская ливонская торговля (в частности, «Нарвское плавание») в балтийской торговле XVI века? То есть произошло ли реальное изменение экономической ситуации из-за овладения Ливонией и развития русской торговли через Нарву?

Ответ на этот вопрос представлен в классическом труде Артура Атмана [7]. Он совершенно верно замечает, что для обоснованных выводов у нас просто нет статистики. Применительно к «Нарвскому плаванию» она отсутствует. Мы имеем только данные, сколько кораблей в направлении Нарвы в 1560-70-е годы прошло через Зунд, и очень приблизительные данные, сколько из них было захвачено шведскими и польскими пиратами. Максимальная цифра была достигнута в 1566 г., когда в Нарву отправилось 98 кораблей. Из них более 50 было захвачено шведами. В среднем отправлялось от 2 до 20 кораблей в год, из которых 30-90% задерживалось в пути. Атман справедливо называет эти цифры ничтожными показателями в контексте ганзейской балтийской торговли. Если судить по ним, то «Нарвское плавание» не изменило ничего принципиального в конъюнктуре балтийской торговли.

Поскольку статистика дает нам странный результат (затевать войну, чтобы принять пару десятков кораблей в год?), Атман считает, что надо обращать внимание не на неотчетливые цифровые данные, а на реакцию европейских стран на проблему «Нарвского плавания». Здесь мы в самом деле видим, что проблема Нарвы волновала политиков, имеем по ней большую переписку дипломатов. Но здесь отчетливо вырисовывается две позиции и один вывод. Первая позиция — позиция Швеции, которая исходила из простого принципа: Финский залив — это «внутреннее море» Швеции (которым он почти что стал после 1561 г., за исключением Нарвы и Ивангорода), и поэтому именно Швеция должна устанавливать здесь правила торговли, извлекать из нее наибольшую выгоду и полностью контролировать. Конкурентов шведы допускать сюда не желали.

Поэтому в шведской политике можно выделить несколько этапов, впрочем, довольно однообразных: 1558—1561 — обложение иностранной торговли 5 %-й пошлиной, и беспошлинная торговля в Выборге для русских, чтобы русский товаропоток пошел из Нарвы в Выборг, а не через Балтику в Европу. Западные суда не допускать в Нарву через создание угрозы пиратства. Главным конкурентом выступают Ревель и Данциг. 1561—1570 — Ревель в 1561 году стал шведским. Теперь задачи поменялись — надо было весь европейский товаропоток направлять в Ревель, Гельсингфорс и Выборг, а русский — в Выборг. Корабли Любека, Голландии, Англии, Франции не пропускались в Нарву шведскими и польскими каперами. После Штеттинского мира 1570 г. Любек добился формальной свободы морской торговли на Балтике, но на практике шведы продолжали мешать проникновению чужих судов в Нарву, заставляли их платить пошлину и проверяли их на наличие товаров, запрещенных для торговли в России. Атман справедливо указывает, что главными принципами шведской политики на протяжении всего периода был контроль над двумя устьями — Наровы и Невы, чтобы не выпустить русских на морской простор, и замыкание всей русской торговли на шведские порты, прежде всего Выборг, откуда уже русские товары на шведских судах шли в Европу.

К шведской позиции приближена позиция Польши, которая всеми силами добивалась запрета нарвской торговли, но тут же вместо Нарвы предлагала Данциг (Гданьск), куда надо перенести центр торговли с Россией. То есть Польша хотела играть ту же роль посредника-монополиста, как Швеция.

Вторая позиция — это позиция европейских торговых кругов: Ганзы в лице Любека, Дании, Голландии, Франции, Англии, Шотландии, для которых был выгоден принцип свободы торговли на Балтийском море. Их устремления несколько ограничивались запретами Священной Римской империи, которая пыталась, впрочем, малоуспешно, запретить торговлю с Россией солью, зерном, товарами военного назначения. Особенно всех будоражили слухи о поставках в Россию золота и драгоценных металлов, на которые Иван Грозный покупает оружие для уничтожения «христианского мира». Любек периодически отправлял военные корабли для охраны конвоев в Нарву, датчане воевали со шведами в Первой Северной войне 1563—1570 гг., датские каперы

служили Ивану Грозному. Эта «партия» формально одержала победу в 1570 г., когда Штеттинский мир утвердил свободу морской торговли на Балтике. Но на практике и у Польши, и у Швеции было много возможностей не допустить эту свободу.

Вывод, который должен прозвучать — это пассивная и локальная позиция России и русской торговли во всех этих комбинациях. Вообще надо признать, что она носила сугубо локальный характер. До 1558 г. русские купцы торговали преимущественно с приграничными городами — Дерптом, Нарвой, Выборгом, Ревелем и другими ливонскими и шведскими центрами. И после 1558 г. поставка товаров из России в основном ограничивалась той же поставкой в Нарву или Выборг, и далее на чужих кораблях — в западные страны. Проблема в том, что для России «Нарвское плавание» мало что изменило — раньше торговля шла через посредничество преимущественно Ливонии и частично Швеции, и теперь — в большей мере Швеции, и — через торговый флот западноевропейцев. Раньше торговля зависела от политики — отношений с Ганзой и Ливонией, и теперь — от произвола шведских пиратов и исхода борьбы на море Дании и Швеции.

Поэтому можно констатировать, что для Европы экономический фактор в борьбе за Балтику играл совсем другую, более значимую роль, чем для России. России же роль этого фактора больше приписана из-за ее преувеличения в европейских трактатах. Вывод, впрочем, не новый.

Экономический фактор играл роль и в ходе войны. Ученые неоднократно подчеркивают низкий экономический потенциал стран — участников войны [8]. Именно он стал причиной поражения ВКЛ в русско-литовской войне 1561—1570 гг., и заключения Люблинской унии 1569 г. как вынужденной меры (утрата государственности в обмен на военную защиту).

Проблемы с мобилизационными возможностями прослеживаются на протяжении всей войны, причем у разных стран и в разных ситуациях. Очевидна слабость Ливонии — у нее не было средств (или она не захотела их выделять) для найма достаточного количества военных наемников и организации обороны страны в 1558—1561 гг. Несомненны мобилизационные проблемы ВКЛ, порожденные, впрочем, не столько экономикой, сколько особенностями социально-правовой организации. Россия провела успешную мобилизацию сил для Полоцкого похода 1563 г. и Ливонского похода 1577 г., создав несомненный перевес сил на театре военных действий. В то же время, документы Городового приказа 1570-х гг. показывают нам большой дефицит людской силы и экономического обеспечения гарнизонов Русской Ливонии. В конце войны проблемы Полоцка, Великих Лук и Пскова были вызваны не столько экономикой, сколько организацией и спорными военными решениями.

Исследователи обращают внимание на разорение Северо-Запада России в конце Ливонской войны, бегство крестьян из поместий, которое влекло дезертирство детей боярских с фронта для защиты своих владений. Соответственно, считается, что данное обстоятельство, порожденное Ливонской войной, стало одной из причин введения на Северо-Западе в 1580-е годы заповедных лет и в конечном итоге — повлекло введение в России крепостного права в конце XVI века.

В составе документов Литовской метрики хранятся материалы польских ревизий ливонских замков 1582—1584 гг. Помимо описания самих замков (находившихся большей частью в поврежденном от войны состоянии), они содержат регесты документов ливонских городских архивов. Если судить по ним, война оказалась спусковым механизмом массового передела земельной собственности в Ливонии. Причины этого очевидны и лежат прежде всего в военной плоскости (гибель и бегство владельцев, появление новых собственников и т.д.)³.

Надо здесь не забывать массовых поместных раздач русским дворянам в Ливонии. Некоторая их часть после войны не захотела покидать новообретенных владений и осталась в Ливонии, тем самым положив начало русской дворянской эмиграции в Швецию («невозвращенцы» в основном остались во владениях шведской короны). При этом шведы старались миксировать, перемешивать, переселять этих подозрительных землевладельцев, наделяя их новыми поместьями, не допуская компактного проживания и т.д. (см. [10]).

В конце XVI — начале XVII века позиции Северо-Запада (Новгорода и Пскова) как центров зарубежной торговли слабнут. Правда, это было вызвано не столько Ливонской войной, сколько изменением конъюнктуры (и польское, и сменившее его шведское владычество в Прибалтике было менее благоприятно для русской торговли, чем времена Ливонии и Ганзы), а также ослаблением этих городов в результате Смуты.

1. Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 71.

2. Платонов С.Ф. Иван Грозный: 1530—1584. М., 1998. С. 68-72.

3. Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях: (1544—1648). СПб., 1893. Т. 1: Борьба из-за Ливонии.

4. Selart A. Der "Dorpat-er Zins" und die Dorpat-Pleskauer Beziehungen im Mittelalter // Aus der Geschichte Alt-Livlands. Festschrift für Heinz von zur Mühlen zum 90. Geburtstag (11—37). Münster, 2004. S. 11-37.

5. [Успенский Ф.И.] Наказ царя Ивана Васильевича Грозного князю Елецкому с товарищами / Изд. Ф.И.Успенский. Одесса, 1885. С. 13.

6. Форстен Г.В. Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. СПб., 1893. Вып. 1-2.

7. Attman A. The Russian and Polish Markets in International Trade: 1500—1650. Göteborg, 1973. 232 p.

8. Янушкевич А.М. Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558—1570 гг. Мінск, 2007. 356 с.

9. Филюшкин А.И. Описание социальных процессов на бывших землях Ливонского ордена в годы Ливонской войны (1558—1583 гг.) в документах Литовской Метрики // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai: Faktas. Kontekstas. Interpretacija / Sudarė A.Dubonis (redkol. pirm.) ir kt. Vilnius: LII leidykla, 2007. P. 329-338.

³ Анализ см.: [9]

10. Селарт А. «Русские бояре» в Эстляндии (конец XVI — начало XVII в.) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. Nr. 2. С. 3-14.

References

1. Khoroshkevich A.L. Russkoe gosudarstvo v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy kontsa XV — nachala XVI v. [Russian state in the system of international relations of the end of the XV — beginning of the XVI centuries]. Moscow, 1980, p. 71.
2. Platonov S.F. Ivan Groznyy: 1530—1584 [Ivan the Terrible: 1530—1584]. Moscow, 1998, pp. 68-72.
3. Forsten G.V. Baltiyskiy vopros v XVI i XVII stoletiyakh: (1544—1648) [Baltic question in XVI and XVII centuries: (1544—1648)]. Saint Petersburg, 1893. Vol. 1: Bor'ba iz-za Livonii.
4. Selart A. Der "Dorpat-Pleskauer Beziehungen im Mittelalter. Aus der Geschichte Alt-Livlands. Festschrift für Heinz von zur Mühlen zum 90. Geburtstag (11-37). Münster, 2004, pp. 11-37.
5. [Uspenskiy F.I.] Nakaz tsarya Ivana Vasil'evicha Groznogo knyazyu Eletskomu s tovarishchami [Order of Tsar Ivan Vasilyevich the Terrible to Prince Eletsy with his comrades]. Odessa, 1885, p. 13.
6. Forsten G.V. Akty i pis'ma k istorii Baltiyskogo voprosa v XVI i XVII stoletiyakh [Acts and letters to the history of the Baltic question in XVI and XVII centuries]. Saint Petersburg, 1893, iss. 1-2.
7. Attman A. The Russian and Polish Markets in International Trade: 1500—1650. Göteborg, 1973. 232 p.
8. Yanushkevich A.M. Vyalikae Knyastva Litoyskoe i Inflyantskaya vayna 1558—1570 gg. [Grand Duchy of Lithuania and the Livonian War 1558—1570]. Minsk, 2007. 356 p.
9. Filyushkin A.I. Opisanie sotsial'nykh protsessov na byvshikh zemlyakh Livonskogo ordena v gody Livonskoy voyny (1558—1583 gg.) v dokumentakh Litovskoy Metriki [Description of social processes in the former lands of the Livonian Order during the Livonian War (1558—1583) in the documents of the Lithuanian Metrika]. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai: Faktas. Kontekstas. Interpretacija / Sudarė A. Dubonis (redkol. pirm.) ir kt. Vilnius: LII leidykla, 2007, pp. 329-338.
10. Selart A. "Russkie boyare" v Estlyandii (konets XVI — nachalo XVII v.) ["Russian Boyars" in Estland (end of XVI — beginning of XVII century)]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2012, no. 2, pp. 3-14.

Filyushkin A.I. The economic struggle for Livonia in the 16th century: source data and stereotypes of historiography.

The economic factors of Russia's struggle for Livonia in the 16th century are mainly known from the discourse of its opponents. In reality, in all political conflicts of that time, Russia adopted a passive stance towards the economical issues, which is confirmed by Russian sources. Russian local trade during the Livonian War remained unchanged after the capture of Narva and during the "Narva Navigation". If earlier Russian trade was mediated mainly by the Hanseatic cities of Livonia and partly Sweden, now Sweden and Western Europeans became the main ones. At the end of the 16th — beginning of the 17th century, the position of the Russian North-West (Novgorod and Pskov) as centres of foreign trade weakened because of the changes in Baltic market and Polish and Swedish rule in Baltic region.

Keywords: Russia, Russian international trade, Livonian war, Livonia.

Сведения об авторе. Александр Ильич Филюшкин — д.и.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета, заведующий кафедрой истории славянских и балканских стран; ilich_fil@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.10.2019. Принята к публикации 10.11.2019.